

**ИНСТИТУТ НОВОГО
ИНДУСТРИАЛЬНОГО
РАЗВИТИЯ (ИНИР)
им. С.Ю. ВИТТЕ**

**ГЕНЕЗИС НОВОГО КАЧЕСТВА
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ:
ОТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ
К НООНОМИКЕ**

**МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОГО СЕМИНАРА**

**Санкт-Петербург
2019 г.**

Генезис нового качества общественного развития: от нового индустриального общества второго поколения к ноономике / Материалы научного семинара / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2019. – 51 с.

*Редактор: Золотарев А.А.
Допечатная подготовка:
Чеканова Е.Е., Федоров А.В.*

Подписано в печать: 08.11.2019.
Тираж 1000 экз. 51 с.
Заказ № 26500457

Отпечатано в печатном цехе ЗАО «Монетная»
197101, Санкт-Петербург, ул. Большая Монетная, 16

Институт
нового индустриального развития
(ИНИР) им. С.Ю. Витте

**ГЕНЕЗИС НОВОГО КАЧЕСТВА
ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ:
ОТ НОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО
ОБЩЕСТВА ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ
К НООНОМИКЕ**

МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНОГО СЕМИНАРА

11 сентября 2019 года

Санкт-Петербургский Дом ученых им. М. Горького РАН,
Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 26, Дубовый зал

Санкт-Петербург
2019 г.

Генезис нового качества общественного развития: от нового индустриального общества второго поколения к нооэкономике / Материалы научного семинара / Под общ. ред. С.Д. Бодрунова. СПб.: ИНИР, 2019. – 51 с.

ISBN 978-5-00020-066-7

ISBN 978-5-00020-066-7

© Коллектив авторов, 2019

© Институт нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, 2019

будет и не экономика, ведь будет и другое время. И это время надо тоже приближать, продвигать и к этому времени быть готовым. Люди, если они не будут об этом думать, не доберутся до такого состояния. И движение по экономическому пути развития в том виде, в котором мы видим, ни к чему хорошему не приведет, если вовремя не задуматься, не получить новые знания, не имплементировать их в голову и не остановиться.

Один остался вопрос – что бы сделать на месте советника президента. Вы знаете, Сергея Юрьевича Глазьева надо поздравить, он стал министром по интеграции ЕАЭС, и некоторые говорят, не понижение ли это. С моей точки зрения, советник президента может дать некие советы, его должность такая, по каким-то вопросам, которые ему поручены. Сергей Юрьевич Глазьев отвечал за вопросы интеграционного характера на постсоветском пространстве как советник президента. Сейчас с советника он повышен до министра наднационального органа, то есть его должность предполагает наднациональный характер. Его утверждает уже не президент России, а совет наших руководителей в ЕАЭС. В этом плане можно сказать, что он действительно на том верном пути, который позволяет нам тоже решать эти проблемы перехода к новому пространству. Потому что одна из задач, в решении которой я с ним принимал участие, в Китае, где-то еще, в странах наших СНГ бывших – это вопросы технологической интеграции, цифровизации на общем пространстве; снятие барьеров через технологические решения и многие другие вещи, абсолютно практические, но сподвигающие нас к тому, о чем мы сегодня говорим. Передадим ему привет. А задачи, которые сегодня называются, они общие, и нам с вами их надо поднимать на всех уровнях, каждому на своем месте. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Большое спасибо, Сергей Дмитриевич. Спасибо всем участникам семинара, всем, кто задавал эти вопросы. У нас получился, по-моему, очень содержательный, глубокий разговор, с импульсами для будущего: как минимум – тема будущего рынка, как минимум – тема будущего мировой экономической системы в контексте тех изменений, которые описаны в книге профессора Бодрунова. Сергей Дмитриевич, у Вас найдется 5-10 минут подписать книги коллегам? Мы затанули, конечно. Хотя наш семинар удачно заканчивается автограф-сессией. Спасибо всем!

жизнь, причем образование техническое или специальное, это нужно, но нужно и образование общекультурное – это важнее сегодня и ценнее, человек при стремительном прогрессе технологий отстает в культурном развитии, а это чревато многими бедами при использовании достижений НТП.

Что касается воспитания, то надо действительно воспитывать начинать человека с пеленок, но на каждом этапе должны быть свои подходы к образованию: в школе – это одно, в детском саду, школе – другое, а в вузе – это третье. Для человека пожилого возраста жизненный опыт – это четвертое, пятое и так далее. На это надо обратить серьезное внимание, и на то, что коллеги говорили, что на образование нужно тратить не 4% ВВП сегодня, а в нынешних условиях, в том числе на социально-гуманитарное образование, надо тратить гораздо большие проценты, тем более, что ресурсы в стране уже есть – у нас накоплены отличные большие золотовалютные резервы, у нас есть деньги на счетах банков, у нас есть деньги компаний, корпораций, которые не используются в реальном секторе экономики, а используются спекулятивно на биржах и так далее. Значит, необходимо опять менять вот эти подходы, вводить другие налоги, вводить другие правовые решения. Потому что отсюда, если у нас в Гражданском кодексе написано, что главная цель бизнеса, предпринимательства, условно говоря, это – извлечение прибыли, то тогда в этом случае все остальные цели становятся второстепенными. Главная ли это цель в развитии человека, чтобы мы каждый год получали больше ВВП? Наверное, нет. Наша главная цель – потребности удовлетворить, как справедливо сказали наши коллеги. В том числе – образовательные.

Я думаю, что на это нужно обращать серьезное внимание, и к этому мы призываем, публикуя наши опусы. Почему? Потому что мы как бы пытаемся подсказать, что же главное, что же важное сегодня в развитии общества. Не вот эти, преподаваемые с большой помпой и большими капиталовложениями, курсы в вузах, где говорят о том, что главное – это прибыль, прибыль и прибыль, продвижение, маркетинг. Я сам в девяностые годы защищал докторскую диссертацию по маркетингу информационных систем и прекрасно понимаю, о чем идет речь, но, тем не менее, я говорю о том, что нам необходимо уделять внимание не только этому. Да, в сегодняшней экономике надо быть конкурентоспособными, но ведь

Введение

11 октября 2019 г. в Санкт-Петербурге состоялся очередной научный семинар Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте по теме «Генезис нового качества общественного развития: от нового индустриального общества второго поколения к ноономике».

Основные проблемы, вынесенные на обсуждение:

- преобразование экономического общества в неэкономическое;
- структура производства в эпоху ноономики;
- роль и место человека в новом производстве;
- социальные аспекты изменений в общественном устройстве;
- культура как ограничитель симулятивных процессов.

С основным докладом выступил д.э.н., профессор, директор Института нового индустриального развития (ИНИР) им. С.Ю. Витте, Президент Вольного экономического общества России, Президент Международного Союза экономистов С.Д. Бодрунов.

В рамках семинара состоялась презентация и обсуждение учебника «Общая теория ноономики» (автор – С.Д. Бодрунов).

На семинаре выступили:

А.И. Колганов – заведующий лабораторией сравнительного исследования социально-экономических систем экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор;

С.А. Толкачев – первый заместитель руководителя Департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве РФ, д.э.н., профессор;

В.Т. Рязанов – заведующий кафедрой экономической теории экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, д.э.н., профессор;

Л.А. Булавка-Бузгалина – профессор Центра современных марксистских исследований философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор;

Д.Б. Эпштейн – главный научный сотрудник Северо-Западного НИИ экономики сельского хозяйства РАСХН, д.э.н., профессор.

Модератор семинара – руководитель московского отделения Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, профессор кафедры политической экономии МГУ имени М.В. Ломоносова, д.э.н., профессор А.В. Бузгалин.

Публикуется полная версия стенограммы научного семинара.

А.А. Золотарев, исполнительный директор ИНИР им. С.Ю. Витте, к.э.н.

**Генезис нового качества общественного развития:
от нового индустриального общества второго поколения
к ноономике**

Стенограмма
научного семинара ИНИР им. С.Ю. Витте
11 октября 2019 г.

*Руководитель научного семинара – директор ИНИР
им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор С.Д. Бодрунов.*

*Модератор семинара – руководитель Центра современных
марксистских исследований МГУ имени М.В. Ломоносова,
руководитель московского отделения Института нового
индустриального развития им. С.Ю. Витте, д.э.н., профессор
А.В. Бузгалин.*

Бузгалин А.В.: Здравствуйте, коллеги! Мы ведем себя немножко неприлично для интеллигенции, интеллигентные люди, говорят, должны всё начинать с опозданием на 15 минут, во всяком случае в России. Но, тем не менее, сейчас 10 часов, мы будем пунктуальны, поскольку сегодня у нас очень интересная, хотя и традиционная, встреча. Я думаю, что все, кто пришёл сюда, захотят выступить, но выступить удастся далеко не всем, я предупреждаю сразу. Тут противоречие неизбежное между желанием услышать содержательные и развернутые сообщения, с одной стороны, и желанием что-то высказать, с другой стороны. Я представляюсь: Бузгалин Александр Владимирович, профессор МГУ, в данном случае я выступаю в качестве научного руководителя Московского отделения Института нового индустриального развития имени Сергея Юльевича Витте и в качестве вице-президента Вольного экономического общества России, чем я весьма горжусь.

Я рад открыть очередное заседание нашего семинара. Я хочу подчеркнуть – очередное заседание нашего постоянно действующего семинара. Мы в этих замечательных апартаментах (я даже не могу сказать, что это просто зал) встречаемся далеко не первый раз, и серия дискуссий продолжает тему, которая становится всё более и более актуальной, дискуссий, посвященных тому, как происходящие

уровень – там несколько этих позиций. Что мы реально сегодня видим? Мы видим сегодня следующее: количество бедных в нашей стране за 2018 год стало на полмиллиона больше, чем было в предыдущий год. Было 20,5, стало 21, по официальным данным Росстата, в той методике, которая росстатовская.

Дальше, реально располагаемые доходы населения – задача поставлена президентом, чтобы к 2024 году они поднялись, понятно, до какого уровня, а они у нас шестой год падают, и только в этом году обещают, что якобы к концу года мы выйдем на 0,1% повышения против предыдущего года, хотя по сравнению с 2012 годом мы остаемся на уровне ниже 6%, падение. То есть, коллеги, та экономическая политика, о которой сегодня мы говорим, не способствует вот этим всем вещам. Я еще раз говорю и буду об этом говорить более предметно и, может быть, более жестко на Всероссийском экономическом собрании, потому что необходимы, действительно, меры.

Коллега говорит о роли экономической политики. Действительно, очень важна экономическая политика, чтобы была правильная, потому что отсюда наша социальная политика. Мы можем решать социальные задачи только тогда, когда у нас в нашем сегодняшнем экономическом обществе нормальная экономическая политика, которая формирует правильные тренды экономического развития. Сюда входит, в том числе, и реиндустриализация, и другие многие вещи, о которых мы уже с вами говорим.

Пару слов буквально по поводу формирования нового человека, образовании и так далее. В этой работе это косвенно упомянуто, мы вообще здесь, в этой конкретной книге, мало говорим о том, что с этим сегодня в России. Эта книга посвящена другому – теории и концепции ноономики. Но, тем не менее, действительно, как прикладная вещь вытекает просто закономерный вопрос, который коллеги задают – а где же и как мы будем воспитывать такого нового человека? Наталья Геннадьевна уже частично на этот вопрос ответила, сняла у меня, можно сказать, с языка. Я считаю, что учить ребенка (человека) надо с пеленок, а не в вузе только и так далее, и продолжаться этот процесс должен до конца его жизни. У нас единая концепция с Олегом Смолиным, книга им написана была в свое время, “Образование через всю жизнь”. Наша концепция подразумевает именно такой процесс – образование через всю

Может быть другая ситуация, когда мы можем, увидев, какие связи нарушаются, и мы понимаем, что это может привести к развалу системы, и нам необходимо ее сохранить – в этом случае можно предпринимать некие адекватные действия, решения, которые позволяли бы выровнять процессы. В этом плане я могу сказать, этот вопрос пересекается с вопросом о благах. Мы с Джеймсом Гэлбрейтом, с сыном этого нашего великого мыслителя американского Джона Гэлбрейта, написали вместе даже две небольших книжки по этому поводу. Одна из них более предельно и подробно говорит о неравенстве, о том, как неравенство, как вот эта самая социальная проблема может привести к срыву, разрыву всего цивилизационного развития. Джеймс со своей стороны анализировал механизмы возникновения неравенства и вопросы современных подходов к изменению этой системы – это некие рецепты, условно говоря, в том числе американизированные рецепты, и так далее. С моей точки зрения была общеполитическая, общетеоретическая концепция, к чему мы должны двигаться.

Коллеги, я еще раз говорю, что мы действительно находимся в состоянии тяжелой сегодня диспропорции в доходах населения вообще и по миру, и между странами, и между развитыми и неразвитыми, в этом плане, в индустриальном отношении нашими субцивилизациями, разная динамика их движения и так далее. Это приводит к колоссальной в нынешних условиях диспропорции. Основа этой диспропорции заключается в том, что нижний дециль и верхний дециль в мире, если 20-30 лет назад это было, допустим, 8-10, то сейчас уже 30 и 40. У нас в России уже более 20, мы понимаем, что это значит – это значит, что основная масса доходов, капитала, концентрируется наверху, условно, у этой верхней десятки процентов населения, нижняя группа остается «без ничего», а средний класс слишком у нас по размеру ниже среднего, условно говоря.

К чему это может привести – к разрыву, к тому, что у нас было на нашей профсоюзной конференции, когда люди начали говорить: “К топору зовите Русь” или “Давайте кричать громче”. Да, понятно, что необходимо государству, обществу и государству как инструменту общества учитывать эти вещи. Сегодня мы видим, что да, какие-то задачи ставятся, президент ставит задачи, помните эти задачи? Снизить количество бедных людей, поднять жизненный

на наших глазах качественные технологические изменения сказываются на общественном развитии и, даже более того, вызывают мощные новые интенции и новые противоречия в экономике, обществе и в бытии человека. Вот такой немножко философский дискурс на нашем семинаре тоже всегда присутствует, он, семинар наш, по определению – междисциплинарный.

Сейчас я хотел несколько слов сказать о нашей повестке дня. Мы откроем наши размышления, размышления вслух, в диалоге, с видеопрезентации, которая была подготовлена для серии международных встреч. У неё есть англоязычная версия, есть русскоязычная версия, для книг, кстати, будет ещё и немецкая, и испанская, возможно, португальская. То есть мы так идём не только вглубь, но и вширь, и эта презентация показывает основные реперные точки темы и основные реперные точки разработки проблемы профессором Сергеем Дмитриевичем Бодруновым. Я затем попрошу, с вашего разрешения, Сергея Дмитриевича кое-что дополнить, он любезно согласился прокомментировать основные положения, сделать какие-то дополнительные акценты, поскольку ученый так устроен, что он не может остановиться, даже когда он достиг уже, казалось бы, всего, что ему нужно, но всё равно надо что-то сделать ещё, что-то покритиковать в самом себе, что-то дальше продвинуть. Поэтому сегодня будет вот такая дополнительная, развивающая основные идеи часть нашего семинара.

Мы пригласили для участия в нашей сегодняшней дискуссии известных профессоров, которые выступят со своими комментариями, профессоров, которые с разных сторон смотрят на проблему. Андрей Иванович Колганов из МГУ – это политэконом старой закалки. Наверное, он не обидится, если я выдам страшную тайну, которую знают все, что он марксист – таковым был и остался. Это – один взгляд. Профессор Сергей Александрович Толкачёв – это Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, он автор целой серии работ по проблемам влияния технологических изменений на экономику. Записавшийся с докладом Карен Хачикович Момджян – философ из МГУ, вчера поздно вечером позвонил мне, что ему стало как-то не очень хорошо, приболел, к сожалению. Он не смог приехать, но сказал, что обязательно напишет текст, потому что его очень заинтересовала эта

тема, и он как-то вот так был очень расстроен тем, что у него не получилось приехать. Какие-то из своих тезисов он мне назвал, я по ходу дискуссии их озвучу. Виктор Тимофеевич Рязанов – представитель СПбГУ, всем питерцам он хорошо известен, в представлении не нуждается. А москвичам ещё больше, да, Вы, Сергей Дмитриевич, сняли мои слова с языка, что называется. Людмила Алексеевна Булавка – профессор, философ, занимающаяся проблемами философии культуры, профессор Московского государственного университета. Я надеюсь, что выступит в нашей дискуссии Давид Беркович Эпштейн, профессор, доктор наук, которого мы тоже хорошо знаем по-нашему семинару.

Дальше будем ориентироваться по обстановке, что у нас получится со временем, потому что мы в принципе должны были бы всё закончить в 12:00. Два маленьких секрета: я уже сказал, что обсуждаемая теория, работа профессора Бодрунова, вызвала широкий интерес, и сегодня это уже не просто книга, с которой мы были знакомы. Даже, собственно, две книги, на самом деле: “Новое индустриальное общество второго поколения”, которую мы обсуждали, и “Ноономика” – мы тоже обсуждали и эти доклады, и эти книги. Сейчас – это уже учебник “Общая теория ноономики”, и буквально вот только что я говорил с деканом философского факультета МГУ член-корреспондентом РАН Мироновым, и он сказал, что факультет будет очень рад, если будет представлен межфакультетский курс на базе этого учебника для преподавания студентам Московского государственного университета. Я знаю, что курс уже начинает читаться и в регионах России, и в Питере, и вот в Москве в МГУ будет читаться, поэтому мы включаемся в этот процесс.

Я понимаю, что всем хочется получить учебник, но в данном случае мы поступили несколько злодейски по отношению к интеллигентной аудитории. Дело в том, что, если интеллигентному человеку дается в руки книга, то он дальше (вот видите Андрея Ивановича Колганова, нет, Андрей Иванович не смотрит, Андрей Иванович смотрит на компьютерную версию, это Сергей Александрович уже смотрит книгу, хотя и видел ее уже, кажется), то есть, если людям интеллигентным дать книгу, они больше ничего не будут делать, они будут читать книгу. Поскольку у нас все-таки семинар, а не коллективное чтение книги, то мы решили поступить

Бодрунов С.Д.: Тени исчезают в полдень. То есть – сейчас мы вместе будем освещать пространство, освещать затемненные уголки. Я начну с ответа на вопрос по диспропорциям, потому что некоторые вопросы пересекаются. Диспропорции – не только в том, что есть крупные конгломераты, где концентрируется, условно говоря, знание, мысль. Есть места, где больше реципиенты, чем «добыватели» этих самых знаний. Это естественно, это понятно, более того, существуют не только, ведь мы говорим о глобальном пространстве, а об обществе в целом, цивилизационном устройстве, существуют целые регионы мира, где есть концентрация научной мысли, знаний, индустриального развития и так далее, а есть регионы, которые совершенно к этому не готовы, у них нет инфраструктуры соответствующей: ни исследовательской, ни потребительской с точки зрения потребления знаний цивилизованно, и так далее.

Больше того, я думаю, что на самом деле мы можем наблюдать процессы, мы это видим постоянно, как одни и те же регионы становятся то продвинутыми, то отсталыми, и так далее. Это – исторический процесс, по этому поводу мы опять же на одном из наших коллоквиумов разбирали цикличность развития и нецикличность развития истории. Мы удостоверились, что история – вещь нелинейная, развитие происходит с отступлениями, ответвлениями, циклами, замкнутыми траекториями и многими другими вещами. В том числе – и в технологическом развитии, в том числе – в развитии по территориальному либо какому-то институциональному и прочим признакам.

Но мы должны понимать, что общество – это система, в которой есть элементы, есть связи. Если подходить с точки зрения системного подхода, то мы понимаем, что в динамической системе идет постоянное развитие в соответствии с теми функциями, которые несут те или иные элементы, и осуществляется связь между ними, взаимосвязь. Поэтому, конечно, при неравномерном развитии возникают диспропорции, которые могут быть решены по-разному. В каких-то случаях диспропорции могут привести к разрыву связей, ломке системы. Та же ломка социальной системы, революция. Тогда, после этого, это уже будет другая система, когда придет в более-менее стационарное состояние.

рождаются, воспитываются и образуются дети, которые по сути дела и будут строить это новое общество. Поэтому, я думаю, что помимо экономической политики, нам очень внимательно нужно посмотреть на сферу образования, даже не высшего образования, а вообще образования в нашей стране, в первую очередь даже школьного. Наверное, вот тот революционный переход, о котором Вы говорили, такой не кровавый и не жёсткий, а мягкий революционный переход может произойти, только если мы обратим внимание на сферу образования и будем эту сферу строить прогрессивной сферой образования и воспитания. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Спасибо, я думаю, что ещё один и, наверное, будем заканчивать.

Чумаков С.И.: Чумаков Сергей Иванович, Технологический институт. Поскольку я занимаюсь образованием, меня больше всего как раз этот вопрос интересует. Сергей Дмитриевич, представьте, сейчас место советника президента освободилось, Вы становитесь советником президента, что Вы сделаете с реформами образования? Все ругаются на Высшую школу экономики – главного законодателя в этом процессе, и все чувствуют субъективность, что реформы эти проходят неправильно. Понятно, что Андрей Иванович предложил там с 4% поднять до 11, но всё равно не выход. Как вы видите, какими должны быть эти реформы в свете вашей концепции?

Бузгалин А.В.: Спасибо, просто мы должны были закончить уже сейчас. Ещё один вопрос? А, извините, за камерой было не видно, пожалуйста.

Закиматов Г.В.: Закиматов Геннадий Вениаминович, инженер-системотехник. У меня такой вопрос: в основе Вашей теории (она социально-общественная) прежде всего – это знание, человек, его интересы и так далее. Но как решить эти вопросы, не меняя экономическую систему? Потому что экономическая система, скажем, где нет возможности приложить вот этот высокий уровень знаний, или же, где нет рычагов управления экономикой, не может из-за этого развиваться сознательным путем. Какую Вы экономическую систему предлагаете: плановую, рыночную или какую-то другую смешанную, или ещё что-то?

Бузгалин А.В.: Спасибо. Я думаю, просто книга посвящена именно тому, какая система предлагается. Нет, мы не начнём еще раз всё обсуждать подробно, всё, полдень пробил.

несколько жестоко. Вы сможете получить этот учебник не в начале, а после его презентации и семинара, и, я надеюсь, что Сергей Дмитриевич найдёт всё-таки 5 минут для того, чтобы поставить автограф на этой книге, в конце сделаем такую маленькую автограф-сессию, если у нас хватит на это сил, времени и всего остального.

За сим я заканчиваю небольшое вступление, у нас даже никто не опаздывает, за исключением пары профессоров, и мы можем, наверное, перейти далее. Молодой человек, пожалуйста, будьте добры, включайте видеотрансляцию.

Представляется видеопрезентация учебника «Общая теория ноономики».

Бузгалин А.В.: Мы посмотрели фильм, который, на мой взгляд, и очень точно представляет ключевые идеи, и красиво, но главное всё-таки – это содержание всегда, а не форма. Я буду рад и попрошу Сергея Дмитриевича Бодрунова несколько прокомментировать и то, что мы уже увидели, и то, что написано в учебнике, и дополнить, может быть, какими-то акцентами, соображениями, как вы сочтете нужным.

Бодрунов С.Д.: С места?

Бузгалин А.В.: Где Вам удобнее, Сергей Дмитриевич, если на трибуне удобнее, то можно на трибуне, если удобнее здесь, то можно здесь. Давайте попробуем на трибуне, хорошо.

Бодрунов С.Д.: Это рассчитано на великих людей.

Бузгалин А.В.: Тут просто вообще не рассчитано никак, тут просто оно как стоит, так и стоит, Сергей Дмитриевич.

Бодрунов С.Д.: Да, но, с другой стороны, зато хорошо, что на трибуне текст не очень видно, придется выступать так. Александр Владимирович, спасибо большое за презентацию этого материала. Уважаемые коллеги, я думаю, что на самом деле для многих из вас, большинства из вас, то, что сегодня показано, сейчас представлено, это уже не очень большая новость. Новость только, по большому счету, в том, что сформированы, укомплектованы эти идеи и мысли в виде уже учебного какого-то материала. Я не обольщаюсь, что этот материал идеальный по форме и содержанию, ему только несколько всего дней с момента выхода из печати, да и делался он быстро и очень оперативно, чтобы успеть к началу чтения упомянутых

Александром Владимировичем курсов. Поэтому, наверное, можно найти в нём, если внимательно почитать, какие-то шероховатости, недостатки и прочее. Но, тем не менее, я попытался всё-таки в этом материале основные идеи изложить. Почему? Потому что тут, во-первых, возникла необходимость сделать некоторое обобщение и популярное изложение базовых идей, которые прорабатывались у нас на семинарах, где вы присутствовали при этом много лет, и по крайней мере последние годы мы неоднократно обращались к этому материалу в той или иной форме.

Но, кроме этого, конечно, состоялось много и нового, после того, как отрабатывались эти идеи в статьях, здесь у нас на семинарах, в научных коллоквиумах ИНИРа – Александр Владимирович особенно активен на коллоквиумах был, он задавал тон обсуждению очень часто. Кроме этого, после выхода базовых книг у нас было большое представление материалов по индустриальному обществу второго поколения, по ноономике, с развитием теоретической концепции, в разных вузах, на диссертационных советах, в разных сообществах экспертных, международных и так далее. Вы знаете, мы на Санкт-Петербургском экономическом конгрессе об этом говорили неоднократно. Я выступал с лекциями и докладами в Кембридже, Александр Владимирович представлял материал в Нью-Йорке, докладывался материал в Пекине, в Москве и в разных городах России. Кроме того, в ходе этих обсуждений было предложено написать именно такое, более популярное изложение, что ли, чтобы можно было давать этот предмет не на уровне профессорского состава (изучать, смотреть), а всё-таки, учитывая его многофункциональность, «долгоиграющий» и междисциплинарный характер и прочее, привлечь к этому делу студенческую аудиторию, аспирантов, молодых исследователей. Тем более, что студенты, например, в Московском университете очень активны, интересуются, и поэтому, и в связи с этим мне было предложено написать все-таки некий учебник.

Сначала я сопротивлялся, учитывая то, что у меня сейчас занятость огромная, я возглавляю Вольное экономическое общество России, где постоянно идут мероприятия, надо делать доклады, выступать, модерировать сессии экспертов высокого уровня. Но, тем не менее, мы всё-таки договорились с моими коллегами по институту, за лето скомплектовали наработанные материалы,

Вопрос вот в чем: мы сегодня рассматриваем аспекты нового индустриального развития, внеэкономического, но не затрагиваем вторую часть – получение благ. Какая система будет их распределять и как? Спасибо.

Бузгалин А.В.: У кого ещё вопросы, коллеги? Кто поднимал руки?

Черенков Ю.А.: Сергей Дмитриевич, Ваша теория, которая уже доведена до уровня учебника, станет руководящей в значительных массах общества. Я представляю Союз малых городов, Черенков Юрий Алексеевич, и у меня вопрос такой. Я, конечно, прочитал, может быть, не слишком внимательно, “Ноономику”.

Бузгалин А.В.: Это нехорошо. Надо очень внимательно.

Черенков Ю.А.: Прочту ещё раз, может быть, уже через учебник. Я не нашёл там ответа на вопрос, который сегодня уже возник – скоро 25 лет восстановлению капитализма в России. А именно – вопрос о социально-экономических диспропорциях, которые возникли сегодня между крупными городами (носителями, кстати, идей ноономики, тут надо признать – здесь крупнейшие прогрессивные предприятия с роботами и так далее) и вот той огромной областью, которая называется малые города, сельскохозяйственные области, которые за эти 25-30 лет пришли к полной деградации. Как отвечает, или должна отвечать, Ваша теория на этот вопрос, хотелось бы узнать? Спасибо.

Яковлева Н.Г.: Наталья Яковлева, ведущий научный сотрудник Института нового индустриального развития. Я хочу коротко сказать, это действительно меня никто не подговаривал, даже Александр Владимирович не знал, что я буду выступать. Я хочу сказать, что у меня два учителя, научных учителя: это Сергей Дмитриевич Бодрунов и Александр Владимирович Бузгалин. Они, наверное, скорее всего, не догадываются об этом, но помимо того, что я организую многие мероприятия нашего института, я ещё очень много читаю и иногда пишу. Я хочу сказать, что сегодняшний семинар – много чего по ходу записала. Сергей Дмитриевич, хотелось бы даже не вопрос, а ремарку. Вот вы говорили об экономической политике, но знаниеемкое производство, формирование нового общества и как, наверное, даже не результат, а основа – это формирование нового человека. Где он формируется и когда, в процессе чего? Вот пока сегодня у нас идёт семинар, ведь

всё-таки к тому, что они зазвучали определённым образом в интересах больших организаций. Но вновь – Вторая мировая война, и следующий шаг, мы опять видим, что все-таки эти интересы были вот таким тяжелым путем через войну учтены. До семидесятых годов идёт процесс социализации, дальнейшей социализации, и государство и человечество в целом делает новый большой шаг к социализму, к обобществлению, к пониманию того, что необходимо приводить в соответствие техническую сферу и социальную сферу. Но вот этот путь уже очень тяжёлый, это путь проб и ошибок. И то, что Сергей Дмитриевич ставит проблему о том, чтобы этот путь сменить на путь более рациональный, более осмысленный – тут нужна новая теория демократии, новая теория управления миром, чтобы интересы не руководителей больших корпораций, а интересы человечества стали определяющими. И то, что он нас в эту сторону ведёт, на мой взгляд, большой прогресс. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Давид Беркович. Мы вот только что как раз в кулуарах обсуждали вопрос о том, что сегодняшний семинар бросает вызов профессору Бодрунову решить ещё целую дюжину, как минимум, проблем, включая вопрос политико-экономической (но не в старом смысле слова науки политэкономия), в смысле соединения политического и экономического вопросов, политико-экономического разрешения противоречий глобального развития в условиях вот этих технологических напряжений. Сергей Дмитриевич, у вас есть силы немножко прокомментировать выступление?

Бодрунов С.Д.: Уважаемые коллеги, давайте мы сделаем так, тогда сначала вопросы, если есть, да, давайте вопросы, а потом заодно отвечу на вопросы и прокомментирую.

Бузгалин А.В.: Тогда я выполню историческую миссию неожиданную, я пойду в зал с микрофоном, потому что, если его отдать в зал, то нам его не вернут, Сергей Дмитриевич, и мы здесь останемся навсегда. Ну вот я не знаю, как, я буду его, не выпуская из рук, нет, я никому эту миссию не доверю, потому что здесь надо быть решительным злодеем, а роль злодея всегда играет Бузгалин.

Евсеев В.И.: Спасибо, Александр Владимирович. Евсеев Владимир Иванович, доктор технических наук, исключительно прикладной ученый и специалист. Рассматриваю это все как раз с точки зрения организации нового общества и нового производства.

поработал я над ними какое-то небольшое относительно время, и вот уже родился такой учебник. Еще одна важная вещь: он не только для студентов, он также и для любого, кто хочет просто ознакомиться с идеями ноономики. Потому что, к моему удивлению, уже осенью прошлого года я обнаружил в интернете вебинары по ноономике, которые ведут совершенно неизвестные мне люди. Я не уверен, что они хорошо понимают сами идеи и принципы, изложенные во всем этом моем материале. Очень было много попыток «ухватить» термин ноономика как некий симбиоз механический ноосферы и экономики. И даже наши, не буду называть фамилии, довольно большие учёные, которых я, в общем-то, нещадно покритиковал за то, что они так подошли, они тоже так как-то в том же ключе пытались интерпретировать само понятие этого подхода, этого термина.

Короче, возникла необходимость в пояснениях и интерпретации.

Поэтому, собственно говоря, появился учебник. Я думаю, что не открою большой тайны, если скажу, что я действительно начну этот курс впервые именно в Уральском университете по простой причине – потому что я там почётный профессор. Это – крупнейший экономический университет, 16 тысяч студентов обучает из многих десятков стран, и мне лестно и приятно эту почетную миссию выполнить. Там уже записалось большое количество студентов, которые готовы на этот курс ходить, и есть уже какая группа людей, которая по этому учебнику начала писать методический материал. Я дистанционно участвую, в конце ноября, надеюсь, выйдет методическое пособие страниц на 100 для того, чтобы можно было более детально прорабатывать это всё со студентами разных курсов. Но, тем не менее, это всё больше для студентов старших курсов, безусловно – может быть, последний курс бакалавриата и магистратуры, аспиранты и так далее.

Что в учебнике: он начинается с методологической части. В ней раскрывается мое авторское представление о материальном производстве, продукте, об индустриальном типе производства, и так далее. Однозначно позиция, которая там, собственно говоря, чётко проводится – это то, что индустрия прочно занимает место технологического ядра в современной экономике. Именно её эволюция во многом определяет, во-вторых, сдвиги в социально-экономическом строе общества на протяжении последних 250 лет.

И вот этот слайд, который здесь в фильм вмонтирован – это одна из фраз, которая есть в этом учебнике. Как акцент. Он акцентирует внимание именно на этой позиции.

Далее – еще один тезис: развитие современной экономики подводит нас к порогу новой технологической революции. Это – индустрия 4.0, интернет вещей, аддитивные технологии, синтез нано, био, информационных и когнитивных технологий, так называемая NBIC-конвергенция. В последнее время к NBIC прибавилось S, NBICS, совершенно справедливо, социальные науки, на мой взгляд – это абсолютно точно тренд исследования этого процесса и, собственно говоря, движение нашего развития. Я хотел бы сказать, что то, что мы видим, это – не просто переход на следующую ступеньку технологического развития, а то, что отличительной чертой новой технологической революции становится резкий скачок в применении новых знаний. Доля знаниеемких затрат возрастает, доля материальных ресурсов относительно сокращается. Если следовать этой тенденции, то мы можем ожидать того, о чём пишется в книгах “Новое индустриальное общество второго поколения” и “Ноономика” – что мы перейдем к уровню производства, когда знания будут в любом варианте – как бы их ни считать, в каких единицах ни пытаться исследовать. Знание становится основным производственным ресурсом. И это во многих отраслях уже сегодня так.

В частности, если взять тот же самый iPhone, то в нём, по оценке самой компании-производителя, до 94% стоимости в сегодняшних ценах – стоимость знания, а остальное – материальные ресурсы. Это – как один из примеров знаниеемкого продукта на современном этапе.

Четвертая позиция, которую я хотел бы тоже обозначить, это то, что для выхода к этому новому качеству производства нужен не только технологический скачок, но и совершенствование всех компонентов современного материального производства. Потому что, кроме технологии, если помните наши семинары, и в первой главе книги об этом тоже говорится, в методологии, что вообще производство – это не один, а четыре компонента, не только технология: это труд, это материальные ресурсы, это организация производства ещё. Обычно говорят когда о технологическом скачке,

в этом смысле должно стать рациональным, и это революция, до этого ещё очень далеко.

Я не очень уловил, лелеет ли он надежду на то, что она всё-таки более-менее стихийно к этому перейдет, или тут потребуются кардинальные изменения в понимании со стороны мира? Тут уже в рамках государства проблемы не решаются, они решаются только в рамках всего человечества. Если мы обратимся к истории, то мы увидим интересный процесс. Вообще в мире царят большие батальоны, – говорил Наполеон, или большие организации, корпорации, как сейчас говорят, а корпорациями управляют небольшие группы людей, отстаивающие и преследующие свои интересы, не интересы человечества и даже не интересы основной массы работников этих корпораций, а интересы узкой сравнительно группы руководителей этих корпораций.

Даже по отношению к государству мы вынуждены признать, что управляют деятельностью государства не столько интересы трудящихся, которыми они руководят, сколько интересы непосредственно этого управляющего слоя, что совсем не одно и то же, это разные вещи. Именно поэтому мы имеем войны, революции и так далее. Как должна быть построена социальная система, чтобы вот эти вот большие батальоны, как они должны быть организованы, каковы должны быть стимулы руководящего слоя, какова должна быть демократия для того, чтобы направлять общество в интересах действительно общества, а не в интересах узкой части сравнительно, как это происходит сейчас? Стихийно отчасти это происходит, нельзя сказать, что это совсем не происходит. К сожалению, с большими издержками, если мы посмотрим, какие надежды подавал XIX век, какое развитие научно-технической революции, научно-технического прогресса. И, казалось бы, начало XX века знаменуется переходом к ноосферному обществу или чему-то в этом роде.

Бабахнула Первая мировая война, ее уроки были учтены, нельзя сказать, что всё это прошло даром для человечества. Если на самом деле посмотреть, то между первой и второй мировыми войнами происходит массовый шаг к социализации в разных смыслах, но в том числе и в политическом. Социал-демократы приходят к власти в большом количестве стран, общество изменилось, но какой ценой – ценой войны. Интересы масс привели

каждого из этих нюансов потом могут вырасти огромного масштаба проблемы. Вот сегодня таких проблем было поставлено очень немало. Я рад предоставить слово Давиду Берковичу Эпштейну, доктору экономических наук, профессору, тоже постоянному участнику наших питерских семинаров. Давид Беркович, пожалуйста, Вам слово.

Эпштейн Д.Б.: Прежде всего, хотелось бы сказать большое спасибо организаторам семинара и непосредственно основному докладчику Сергею Дмитриевичу за чрезвычайно содержательную, глубокую и далеко продвинутую, вот что очень важно, постановку проблемы. Он, говоря словами Андрея Ивановича Колганова, рассматривает прогностически, что может дать развитие техники, современной техники, знаниеемкой техники, тенденции развития индустрии, индустриального общества. Он на этом никоим образом не останавливается, а показывает, с какими социальными противоречиями это связано. Более того, он отнюдь не рисует (на мой взгляд по крайней мере, согласится он со мной или нет) такую радужную картину, что нас ждёт вот период: человек отойдет в сторону от производства, точнее говоря, его отодвинут; самовоспроизводящиеся роботы будут увлекательно удовлетворять наши потребности, а человек развивать знания для них и передавать им. Правда, роботы в такой картине сами бы начали производить знание и сказали бы человеку, что он им вообще не нужен, а у нас и потребностей-то нет, только работать на благо самих себя.

О каких противоречиях справедливо сказал Сергей Дмитриевич? Это, в первую очередь, о том, что общество развивается таким образом, что всё время есть риск чрезвычайных катастроф, связанных с атомной бомбой, с внедрением в геном и многими другими рисками, плюс экологические риски, которые стали сейчас просто колоссальными. И что прямо и непосредственно само развитие техносферы не ведет к решению этого противоречия, нужно изменение общества. Сергей Дмитриевич говорит, но в отношении общества – пока не видно, чтобы оно отвечало вот этим требованиям. Вот он ставит эту проблему, далее он говорит: пока производство ориентировано на прибыль, да прибыль ещё любой ценой, мы будем получать не улучшающуюся, а ухудшающуюся социальную картину, и значит, это должно быть изменено каким-то образом. Управление обществом, управление землей, ноосферой

то подразумевают, конечно, технологии в первую очередь. На самом деле это далеко не так. Меняется всё материальное производство, и при этом, если говорить широко о технологиях, меняются, собственно, технологии труда, технологии организации производства. В этом плане можно говорить о технологической революции, но, если говорить о традиционном понимании смысла производства, то, конечно, это комплексная такая большая индустриальная революция.

В то же время, если мы понимаем, что это процесс происходит, можно говорить о том, что итогом этой самой революции будет как раз переход в новое состояние нашего развития, и это будет новое индустриальное общество второго поколения (если индустриальную эпоху во времена и в терминах Дж.К. Гэлбрейта считать поколением первым). Именно – индустриальное общество, оно останется индустриальным по сути, потому что оно будет всё равно в основе своей иметь индустриальную деятельность.

Главным источником развития этого производства, однако, выступает, как источник главного экономического ресурса – знания, выступает познание человеком окружающего мира. Откуда мы берём ресурсы: когда-то землю копали, что-то еще делали, сейчас будем «копать» знание, потому что это – основной ресурс, из которого будет проистекать всё удовлетворение наших потребностей, в значительной, базовой части. Новый индустриальный способ производства имеет такую высокую знаниеемкость, которая оттеснит на задний план материальные затраты и затраты человеческого труда, создавая знаниеемкий продукт.

Следующий тезис: рост технологических возможностей удовлетворения потребностей ставит человечество перед дилеммой в цивилизационном развитии. В фильме мы об этом косвенно упомянули, но я хотел бы буквально пару слов сказать, обратить на это внимание. Мы говорим очень часто, что впереди экологический кризис: то пластмассой мы весь мир засорили, то появляются мутанты в зоомире, то исчезают ежедневно целые десятки и сотни видов живых существ, возникают технетические существа, которые плодятся гораздо быстрее, чем природа создавала этот мир. Господь создал всё за 7 дней, но мы, похоже, что (Он творил «с умом»!)

творим иногда без ума и гораздо быстрее. Потому что уровень прироста технетических так называемых существ (если говорить о терминологии геоценоза и технологических ценозов) растет стремглав, и в этом случае речь идет о том, что, если учесть эти существа и то, как они «живут», то получается, что и эти существа, условно говоря, которые существуют – от слова существовать – они тоже занимают определенное место в нашем пространстве. Так вот этого места занимают они все больше и больше, вытесняя естественные сущности природы, и сегодня человек, их создатель, уже (если следовать Вернадскому, даже уже в те времена, когда был Вернадский) стал значимой геологической силой, не говоря о «биологической» силе. А уж если говорить о биологической, то больше существ, которые уничтожили бы живую природу, чем человек, в общем-то, наверное, природа пока не создала. Это ведет серьезному кризису, кризису многих вещей, например, биологическому, или – к геномному кризису, когда люди могут и в себя вмешаться, и создать существа, которые могут быть неподконтрольны, и многое другое.

Что толкает людей на то, чтобы двигаться по этому, я бы сказал, весьма вероятно, губительному пути? На это – отвечает следующий тезис: толкает сегодняшняя экономическая система, в которой главным является, следуя капиталистическим принципам и основам, является получение прибыли, независимо ни от чего, любой ценой; сегодня это – в первую очередь продвижение симулятивных, ненужных товаров во имя этой прибыли, на производство товаров этих, толкает на разграбление природы бессмысленное (ведь часто не удовлетворяются при этом реальные потребности людей!) и так далее, и тому подобное. О разуме здесь говорить сложно, хотя все считают такой принцип ведения хозяйства разумным (возьмем любой учебник ноономики или многие другие учебники, где очень много говорится о том, насколько рационально или нерационально то или иное поведение). По этому поводу у нас в ИНИРе был коллоквиум, где мы разбирали, что такое рацию и что такое разум. Мы удостоверились, по крайней мере у нас здесь пришли к выводу, что это разные вещи.

Я бы хотел сказать, что такое развитие всегда, в общем-то, так или иначе приводило к каким-то кризисам, когда человек делал

формирования этого общества нового типа. А как это так? То есть результат должен опережать сам процесс, который его порождает. Вот это и есть то главное противоречие, когда сам субъект, формирующий это общество нового типа, появляется раньше.

Откуда он возьмется сегодня, когда сегодня культура отчуждена от общества, когда человек отчужден от собственных подлинных потребностей, собственных потребностей, и он становится не связанным с его развитием, не связанным с развитием общества, развитием культуры и, в конечном итоге, развитием производства? Откуда он возьмется – большой ставлю вопрос для дальнейших обсуждений. И вот переход – утверждая то, что мы говорим сегодня, обсуждаем книгу Сергея Дмитриевича Бодрунова, там заявлены важные положения, из которых я уже делаю собственные выводы: общество нового типа – это будет общество равноправия неравенств. На этом построена культура, мы сегодня имеем, казалось бы, равноправие, но это мнимо, а вот здесь будет равноправие неравенства, потому что в культуре никто никому не равен. Но есть ещё подводные камни общества нового типа, которые мы должны тоже выявлять, и быть готовыми к этому, когда мы рассматривать будем уже более конкретные модели – это то, что общество, выходя, попадая, выдвигая в качестве детерминирующей основы культуру, знание, образование (а это связано с человеком, с его сущностным содержанием), попадает под более возрастающий риск субъективных решений. Потому что принцип субъектного бытия делает и общество, и человека более зависимыми от его субъективных решений.

Важно, в качестве уже завершения – общество нового типа, о котором мы сегодня слушали в докладах и обсуждениях и Сергея Александровича Толкачёва, и Рязанова Виктора Тимофеевича, и Колганова Андрея Ивановича, общество нового типа переходит из сферы, основанной на императиве «иметь», в сферу, где главным принципом становится бытие человека – не иметь, а «быть». Так что будем двигаться туда по мере возможности. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Спасибо. У нас тут, в кулуарах, обсуждая сегодняшнюю дискуссию, мы (чем дальше, тем больше) приходим к выводу, что, может быть, лучше постоянно повторяющееся, нодвигающееся при этом по спирали обсуждение проблемы даёт интересные новые результаты. Они кажутся нюансами, но из

человек связан с развитием действительности и реальными условиями собственной жизнедеятельности, конечно, зачем ему симулятивные потребности? Попробуйте на высоких каблуках с гламурной сумочкой, я не знаю, сделать фундамент для дома – вы никогда не сделаете. Тут в качестве примера приведен известный ленинградский художник мирового значения Шемякин, который сделал проект собственного дома там, где базируется он в Америке. Журналист спрашивает: “А где, в какой комнате вы живёте, спите, отдыхаете?” – он говорит – Где падаю от усталости, там и сплю”. Почему всё время в одной вот форме, некогда ходить по магазинам, то есть творческая деятельность сама уже структурирует и типы потребностей, и сам подход, и выбор.

Следующий момент, очень важный: новый тип общества, основанный на знаниях, образовании и культуре, высвобождает, становится предпосылкой снятия отчуждения социокультурной сферы от производственной сферы. Причём – это снятие отчуждения; конечно, никогда социально-культурная среда не была изолирована от производственной системы, никогда – они всегда связаны. Но они связаны так, эта связка бывает такая, что она вызывает, рождает фактор мощной симуляции, мощного разрушения как социокультурной сферы, так и экономики. Посмотрите, сегодня рыночный тоталитаризм, вся экономика, рынок втягивает всю социокультурную сферу. Назовите мне ту область сферы творчества, культуры, которая сегодня не завязана на рынок. Конечно, нет, а вот знание общества нового типа, формирующееся на основе знаний культуры, оно формирует подчинение уже производственных задач задачам формирования социокультурной среды.

Заканчиваю. Так вот, теперь красивые все слова: культура, образование, общество нового типа – как звучит-то всё красиво, а где главное противоречие? Главное противоречие этого общества заключается в том, что любой переход к этому обществу, он что, трансцендентальный, и это результат некоего такого исторического автоматизма? Вот мы с вами участвуем в конференциях, работаем, смотрим телевизор, встречаемся с друзьями – оно как-то само собой. Нет, этот переход предполагает, если хотите, некий революционный момент, культурного отношения революционный момент. Этот переход связан с тем, что продукт общества нового типа должен появиться раньше, чем переходит в активную фазу сам процесс

нечто, что никак чему-то не соответствовало. Я попробовал поизучать эти вещи с точки зрения такой историко-философской и, может быть, опираясь не только на теорию общественно-экономических формаций марксовскую, но и на других специалистов, которые писали в свое время по этому поводу: на Шпенглера, Тойнби и так далее. Я пришёл к выводу, что, в общем-то, наверное, всякая смена таких – они говорили «цивилизаций», я считаю, что – этапов развития нашей общей цивилизации связана с вызовами, с которыми человек сталкивается в своём развитии. Естественными вызовами и другими вызовами. У нас, в данном случае, таковым является не геологическая катастрофа, как это бывало во времена оны, не какие-то природные явления (засухи, мор, голодовка, золотуха и прочие вещи); нынешний вызов – это научно-технический, технологический прогресс сегодняшний. И дилемма сейчас выглядит так: либо общество не сумеет направить возможности, которые предоставляет техническая революция, на своё совершенствование, увлечется ложными целями и ценностями, усугубит негативные тенденции современной цивилизации вплоть до утраты человеком своей собственной сущности – либо человечество сумеет реализовать переформатирование нынешних цивилизационных установок. Только так.

Следующий пункт: о каком переформатировании можно говорить? Речь идёт как раз о переходе на этап разумного ведения хозяйства, на нооэтап. На этом этапе ноопроизводство, будучи отделено от человека, от общества, по своим целям и задачам остаётся подчинённым обществом. С развитием ноообщества, с переходом к ноопроизводству и ноопотребностям, происходит и переход подэкономической рациональности к новой, и этот новый характер рациональности и, соответственно, новая определенность целевых установок развития приобретает первостепенное значение и служит основой изменения характера общественных отношений. Место экономики, тем самым, займёт нооэкономика. В основе нооэкономики лежит неэкономический тип удовлетворения человеческих потребностей, которые сформируются через новое качество производства, в котором человек станет, в соответствии с предвидением Маркса, «по ту сторону собственно материального производства». Кое-что об этом в фильме фильмоскоп наш показал.

Следующая позиция. Я думаю, что на это стоит обратить более пристальное внимание, потому что в видеофильме об этом тоже очень косвенно сказано, тем более учитывая, что у нас на семинаре находится великолепный философ, специалист в области философии культуры, Людмила Алексеевна Булавка. Спасибо большое, что приехали. К сожалению, не доехал до нас профессор Момджян, он тоже серьёзный специалист, его заинтересованность в нашем семинаре меня, честно говоря, тоже порадовала. Я должен особо сказать, что вся эта конструкция, предусмотренная в теории ноономики, может развиваться только тогда, когда человек параллельно одним знаниям (в частности, технологическим знаниям и прочим научно-естественным) будет усваивать и другие знания, осваивать другие знания. Что именно? Именно – знание и познание мира как мира культуры, как мира самоограничения, самоограничения вот этих самых потребностей. В свое время человек вышел из природы, и понимаете, можно привести примеры как бы естественного «зоо»-подхода человека к удовлетворению потребностей своих; говорят, что очень сложно просто человеку преодолеть себя, невозможно отказаться от своих установок: вот я хочу больше сегодня, сейчас, и так далее, и тому подобное. Отсюда этот, я считаю, «зоо»-подход: вот съесть и не дать никому размножиться на этой территории, это моё. Как собака (или животное какое-то), извините, вот он свою территорию занял, пометил – все, не тронь. Отсюда, на базе такого подхода, даже основные наши общественные институты возникли, некоторые специалисты полагают, что так и государство образовалось. Одной из причин появления феномена государства было тоже «огораживание» территории, которая наша, моя, нашей нации, нашего сообщества, и так далее, и тому подобное. Я далек от того, чтобы утрировать, привожу это просто для иллюстрации, но тем не менее – что-то в этом есть.

Но ведь существует еще, кроме «зоо», наш разум, существует «ноо». Человек может и в состоянии научить себя не требовать того, что наносит ему самому вред. Наркотики. Обжорство для диабетика. Миллионы людей каждодневно демонстрируют такой подход на, если можно так выразиться, на микроуровне. Нужно человеку осознать этот вред, нужно понять, что плохо, а что хорошо и для него, и для общества, каковы интересы других людей, и что плохо,

и так далее. Вот знание не должно подчиняться этим атрибутивным целям, потому что тогда оно становится мертвым – и мёртвым, и более того, абсурдным.

Вы знаете, истинное знание отчуждается из знания, которое связано со сферой культуры, то есть сферой, которая предполагает результаты и предпосылки развития человека. Вот были такие казусы, когда, говоря, например, о Гегеле, студенты говорили: “Вы, наверное, путаете? Вы имеете в виду Google, наверное, не Гегель, а Google”, и многое-многое другое. Так вот знание должно становиться результатом нового типа человеческой деятельности, которая связана с развитием самого общества, а значит, человека. И тут не удержусь от известного марксистского принципа, утверждаемого на протяжении всей истории развития марксизма: человек изменяется и развивается только тогда, когда он развивает сами общественные условия, в которых он существует. Так вот знание должно быть результатом открытия на основе этого развития.

Любимая книга Алфёрова – это книга “Два капитана”. Вот книга “Два капитана” как раз связана с этой историей научных открытий, которая становится основополагающим принципом и формирования судьбы человека, общества, развития науки, и так далее. Тогда выдвигаются следующие положения, что, оказывается, переход к новому типу общества связан с культурной революцией, потому что открытие знаний и так далее – это результат культурной революции. Не случайно (и тут я перейду, сделаю такую историческую ретроспективу) в двадцатые годы культурная революция; идет гражданская война, 14 стран Антанты воюют против страны молодой, новой, со всеми ее противоречиями и так далее. И вдруг – культурная революция, где Ленин выделяет деньги, на разные клубы пролеткульта дает денег больше, чем на систему высшего образования. Что они там могут сделать? Да ничего, ну что они там. Я не говорю об Эйзенштейне, Мейерхольде – ничего они не сделать не могут. Вот там идет то, что понимается под этим как формирование культурного потенциала, которое человеку позволяет отвечать на вопрос: куда и зачем движется он и само общество.

Поэтому – знание. Это общество нового типа выдвигает требование к новому типу генезиса самого знания. Второй момент: общество нового типа и вообще ноономика ставит проблему высвобождения от симулятивных потребностей. Конечно, если

отношений)? Вопросов очень много, очень больших, просто не хочется сейчас уходить в эту тему. Я думаю, будет правильно, если мы всё-таки вернёмся к изначальной тематике и посмотрим на социокультурные аспекты проблемы. Тем более, что вот такое нерыночное удовлетворение потребностей очень тесно связано с прогрессом культуры. Я думаю, что, если Людмила Алексеевна затронет эту тему, это будет то, что нужно. Людмила Булавка, профессор, Московский государственный университет, доктор философских наук.

Булавка-Бузгалина Л.А.: Я приветствую всех, очень рада видеть в этом красивом зале. Главное, хочу отметить, внутренне очень давно-давно рада, что наметился поворот в обсуждениях тем экономистов, политэкономов, разворот к проблеме человека. Причём не к абстрактному человеку, к вопросам абстрактного гуманизма. Я хочу посмотреть на эту проблему с позиции того положения, которое выдвигает в качестве приоритетных критериев оценки нового поиска и устремленности к модели нового общества, построенного на основе знания, образования и так далее в качестве главного критерия развития человека, причём человека как субъекта. Для меня это принципиально важно, потому что в нашей стране мы имели результаты, успехи социально-экономического и культурного развития только тогда, когда человек становился не просто ресурсом развития, он становился субъектом развития. В обход этому положению мы имеем то, что мы сегодня имеем. Не будучи субъектом развития, человек перестаёт быть даже арсеналом, ресурсом этого развития.

Так вот, если посмотреть на проблему общества нового типа с этой позиции, то тогда я скажу, что это общество востребует новый тип знания – не заёмного из разных там интернет-источников, причём даже не воспроизводимого в своей истинности. Нет, это симулятивное воспроизводство знаний. Почему симулятивное? А потому, что оно подчинено другим задачам, это знание, оно подчинено знаниям потребительского отношения, связано с тем, что знание становится атрибутом моего социального положения как человека престижного потребления. Конечно, я вчера была на спектакле Серебренникова, я вчера слушал Бориса Березовского концерт – мне неважно, что он исполнял, важно, что был на престижном концерте; важно, что я работаю в престижной компании

И что хорошо и для них, и что для этого, чтобы хорошо было, а не плохо, надо делать. Ведь было очень много примеров, когда люди идут на самопожертвование, они отказываются от многих вещей, вплоть до того, что отказываются от своей собственной жизни, если на то пошло. И говорить о том, что человек такой вот просто зверь, я считаю, абсолютно нерационально и неправильно. Человек – это человек, и чем дальше он развивается, тем больше он ноочеловек, а не зоочеловек, не биочеловек. Потому что, если мы будем идти преимущественно зоо-путем, мы, извините, сожрем планету, среду обитания, ухудшим для своих детей будущее, и так далее. Это – важное знание. Сакральное пока для массового осознания, но приоткрывающееся для тех, кто более-менее продвинут. Человек это осознает – рано или поздно, если мы будем заниматься и этим развитием людей, а не только технологическим.

К сожалению – и это следующий тезис, – сейчас наблюдается этот разрыв: технологии идут гораздо быстрее, чем то, что называется повышением уровня культуры и понимание человеком, что можно, а что нельзя. Великие люди, которые создали атомную бомбу, осознали, что применять ее нельзя, и делали некоторые шаги, о которых мы все знаем, чтобы этого не произошло и не случилось. И хотя бомбу изобрели и у нас, и неизвестно, насколько помогли нам те люди, которые изобрели ее в другом месте, но, тем не менее, применения её не было после этого варварских актов в Японии, когда Соединенные Штаты ее применили. Я считаю, что это – показательные примеры (Карибский кризис и так далее), когда люди смогли договориться и найти способы устранения возникающих угроз и опасностей, связанных с возможностями технологическими, которые даёт сегодняшний мир.

Последний тезис, на который я бы тоже хотел обратить внимание, здесь в фильме об этом не говорилось, но думаю, что это важно. Мы – Россия, россияне. У нас собственная страна, собственная сейчас, на данный момент, экономика, у неё есть свои особенности. Я долго могу критиковать сегодняшнюю экономическую политику, думаю, что ближайшее время, если кому-то повезет и он захочет приехать, я приглашаю, буду выступать по этому поводу, по поводу сегодняшней экономической политики на Всероссийском экономическом собрании в День экономиста, 11 ноября. Планируем сделать обсуждение этой проблемы и

в Отделении общественных наук Российской академии наук, я буду там делать доклад. В Москве мы каждый год такие мероприятия проводим. Так что, думаю, об этом мы еще поговорим.

Но мы все понимаем, что проблем сегодня много, они проистекают от той экономической политики, которая сегодня проводится, и которая далеко не во всём и не всегда, в нашем понимании, осуществляет верные меры по российскому развитию. Но ведь понимаете, до этапа НИО.2, и тем более ноономики, до этапа решающих преобразований, а они грядут, до того, как это наступит как некий уклад нашей жизни, пройдет большое время, определённое время, которое трудно оценить в километрах или годах. И всё это время – это время существования пока еще нынешнего, экономического общества. Но экономическое общество – это и конкурентное общество, где есть лидеры, а есть отстающие. И если мы, Россия, чувствуем нашу (извините за пафос) историческую миссию (а мы всегда её чувствовали, быть такими лидерами в таком развитии, нооразвитии, и отсюда и проистекают и многие наши беды, и многие наши желания, и многие наши трансформации и так далее), то мы должны понимать, что мы не должны отставать сегодня в экономическом развитии. Потому что сейчас тот силен, у кого есть мощная экономика, в которой знание становится всё более и более важным фактором. Поэтому развивать надо сегодняшнее индустриальное производство, надо развивать сегодняшние, высокотехнологические исследования проводить, надо развивать науку и развивать одновременно человека с новыми ценностными установками, осуществлять формирование людей с помощью (может быть, я немножко обольщаюсь) подобных обсуждаемому курсов, объясняя людям, что делать можно и нужно будущему инженеру, менеджеру, специалисту, а что делать нельзя для того, чтобы наша Родина была не на последнем месте.

Спасибо.

Бузгалин А.В.: Спасибо большое, Сергей Дмитриевич. Мы переходим к обсуждению. Но прежде мне хотелось бы подчеркнуть несколько тезисов, которые, на мой взгляд, требуют постановки в центр внимания в нашем обсуждении. Один из них – это та полемика, которая, похоже, начинается. Мы с Сергеем Дмитриевичем часто спорим по разным вопросам, он критикует Бузгалина за чрезмерную марксистскость, если так можно

они выступали – тоже понятно как. Александр Владимирович почти им подыграл, говорит: “К топору зовите Русь”. Я сказал – к топору не надо звать Русь. Смысл был такой: Руслан Семенович Гринберг, известный вам, наш научный руководитель института (в том числе), выступая, сказал, что, знаете, вот пока дитя не заплачет, матушка не перекрестится и не посмотрит. Поэтому кричите громче, вас там, типа, только тогда и услышат. Я считаю, что громкость должна быть, конечно, но не до уровня лопания или разрубания топором барабанных перепонок, иначе мы останемся без слуха и слышать ничего не будем. Иначе мы экономический ущерб себе нанесем гораздо больший, чем если бы мы делали шаги постепенные. А технический прогресс, работающий с ускорением ускорения, сейчас позволяет нам эту проблему решать, только разумно подходить к его использованию надо. Спасибо.

Бузгалин А.В.: Я не буду отвечать на критику за революционность Бузгалина, я таким был, наверное, таким и останусь, тут уж ничего не попишешь. Я и в другой аудитории таким остаюсь, так что давайте это мы оставим за скобками сегодняшнего обсуждения, тем более оно никак не связано с политическими вопросами, во всяком случае – напрямую. Я рад, что у нас прозвучала вот эта дискуссия, и это один из фундаментальных вопросов – вопрос о мере развития или наоборот угасания, засыпания товарного производства, рынка, денег и всего остального. Это тема, которая поднимается в обсуждаемой сейчас нами книге, и не только в учебнике, но и в работах “Новое индустриальное общество второго поколения”, “Ноономика”. Я думаю, этому можно будет посвятить один из наших семинаров специально, это был бы, на мой взгляд, очень такой интересный разговор. Вот импульс есть – то, что сейчас было только что сформулировано профессором Бодруновым, просто объективно возникает возможность нерыночного удовлетворения потребностей вследствие высокого уровня накопленного интеллектуального, технологического и так далее потенциала общества.

Давайте подумаем, насколько это так, насколько это не так. Тезис о полемике с Пикетти по поводу обложения какого капитала и почему, если мы действительно выдавливаем финансовое посредничество – это усиление, прогресс рынка, или это всё-таки некоторое отмирание (я воспользуюсь старым термином рыночных

Все этапы предстоящего цивилизационного развития, видимо, можно прогнозировать, скорее всего, неким итерационным способом, всякий раз отталкиваясь от того, что есть в конкретный период, и учитывая намечающиеся тенденции. Поэтому, замечу, мне и понадобился в моих комментариях отсыл к современному состоянию нашей экономической жизни и упоминание вот этих моментов, на которые мы также с необходимостью обращаем всякий раз внимание. Я сказал об этом в своем выступлении немножко, но вообще-то у нас есть работы в институте и по этим проблемам, о которых справедливо говорит Виктор Тимофеевич, у меня опубликованы статьи по этому поводу, как раз по этому самому пути.

Основной тезис о том, что технологический прогресс, позволяющий разрешать удовлетворение человеческих потребностей всё более дешевым, относительно дешевым способом, все более максимально насыщает услугами пространство, создает технологический прогресс, создает возможность удовлетворения большого количества потребностей людей всё легче, проще, «бесплатнее», условно говоря. И тогда у нас возникают очень широкие возможности удовлетворять такие потребности, а сегодня можно как угодно к этому относиться, но сегодня мы уже имеем (вот Александр Владимирович выступал на одном из семинаров и об этом говорил) массу бесплатных услуг, на которую мы просто не обращаем внимания. Эти услуги оплачиваются чем? Оплачиваются обществом, оплачиваются общественным развитием, оплачиваются теми технологическими достижениями фактически, в которые уже вложен чей-то труд и вложены чьи-то затраты понесенные. И общество через более эффективное использование знания, через технологии, через новое индустриальное производство и так далее позволять будет всё больше и больше удовлетворять вот эти несимулятивные потребности.

Этот путь – длинный, непростой путь, сопряженный одновременно с тем, что необходимо воспитывать вот эту вот разумность потребления, удовлетворение несимулятивных потребностей, и этот путь только, на мой взгляд – единственный, который может нас привести к нормальному результату, а не к революции. Я недавно был с Александром Владимировичем на конференции российских профсоюзов, я выступал – понятно как, как

высказаться, а я, соответственно, обороняюсь и пытаюсь сказать, что марксистская теория объясняет если не все, то почти всё. Но в данном случае прозвучала достаточно серьезная и важная интенция, касающаяся необходимости использования того подхода, который заложен Тойнби, Шпенглером и их последователями для объяснения современных изменений. Я думаю, что этот дискурс, этот аспект станет новым витком в обсуждении наших проблем.

Второй момент, который я хотел бы подчеркнуть, это тоже скорее философский тезис: переход от зоо к ноо. Звучит несколько публицистично, но за этим скрыт довольно глубокий, я бы сказал – просто глубокий, социально-философский смысл, контент. Не случайно на эту тему опубликована статья профессора Бодрунова в журнале “Вопросы философии” – обратите внимание. Просто экономическая публика редко читает философские работы, а философская публика еще реже читает экономические работы. Если ты работаешь на стыке разных наук, то ты как-то оказываешься в очень сложном положении на самом деле. Но вот эта тема очень важна, потому что роль знания, роль разума, роль человека в новом экономическом бытии – это постановка, которая требует принципиального изменения. 90% сегодняшних экономистов зациклены на том, что давно было названо рыночным фундаментализмом, и те, кто говорит об экономике с точки зрения производства и технологии, социальных отношений, человека, смыслов развития, как бы выпадают из вот этой монетаристской парадигмы и вызывают иногда недоумение, иногда жесткую критику. А вот нам очень важно этот аспект, мне кажется, развивать и подчёркивать.

Ну и последний момент, который мне хотелось бы, чтобы мы подчеркнули. Все эти, казалось бы, абстрактные философские тезисы оказываются очень жестко связаны с выбором путей развития нашей с вами страны. Потому что, если мы говорим: знаниеемкое материальное производство, – мы должны сказать, что нам необходимо образование не для элиты, а образование, в котором большинство граждан России будет людьми, обладающими креативным творческим потенциалом. Это – сразу жёсткая постановка. Если мы говорим о том, что нам надо развивать знаниеемкое материальное производство (последний слайд, который представлен в сообщении Сергея Дмитриевича), то в этом случае

нам надо понять – а каким образом будет обеспечен приоритет высокотехнологичного знаниеёмкого производства? Тут же вылезет стратегическое планирование и активная промышленная политика – от этого никуда не денешься просто. То есть любой вот этот социально-философский, экономико-философский тезис оказывается абсолютно жёстко завязан на принятие решений в области экономической политики. Нет ничего практичнее хорошей теории (ну извините, у меня опять тут марксистские уши вылезли). Да, знаменитый тезис, но это не потому, что кто-то сказал, а потому, что это действительно правда.

Я думаю, эти моменты нам важно подчеркнуть, и поскольку Карен Хачикович Момджян, к сожалению, не здоров (мы все не очень молоды, и периодически случаются проблемы), он просил передать два аспекта, которые он хотел осветить сегодня. Возможно, они будут как-то раскрыты в других выступлениях. Аспект №1 касается целостности изменения технологий экономики и общества человека. Принципиальный акцент, который он хотел сделать, и которой он вынес из диалога с работами Бодрунова – это акцент на целостности этих изменений. У нас как-то каждый про свое пишет обычно. А здесь наш коллега видит как раз такой целостный подход. Это очень значимо. И второй акцент – это тема исследования профессора Момджяна, это проблема прогресса и измерения прогресса в условиях, когда надо каким-то образом соединить (помните, «в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань») два разных аспекта. Вот видите, у меня даже «осел» вылез куда-то не туда, сложная тема, клинит. В данном случае нам надо как-то сопрячь в одном, в едином понимании прогресса, тему технологии, человека, общества и еще экономической эффективности.

Но это скорее была проблема постановки данной задачи, решение ее, во всяком случае, Момджян мне никакое не высказал, я не уверен, что оно есть на самом деле уже готовое, но вот этот доклад продуцирует этот поиск. Мне кажется, какие-то аспекты этого решения мы найдём и, может быть, даже не только какие-то аспекты, а просто компоненты решения мы найдём в тех работах, которые мы сегодня обсуждаем. Я просто специально выступать не буду, поэтому позволил себе такой небольшой комментарий.

Сейчас давайте перейдем к дискуссии. Я прошу придерживаться регламента – где-то так в 10-15 минут. Первое слово

Сергею Дмитриевичу найти на них ответы, продолжая полезные и нужные исследования. Спасибо за внимание.

Бодрунов С.Д.: Спасибо, Виктор Тимофеевич, замечательное выступление, правда, коллеги. Но я, учитывая, что всё-таки Виктор Тимофеевич очень уважаемый мною специалист с тех времён ещё, когда он ещё мою младшую дочь учил экономической теории в Санкт-Петербургском государственном университете, что было уже много-много лет назад. Мы с ним лично познакомились позже, когда она уже стала кандидатом наук, только тогда я узнал, что ее азам учил Виктор Тимофеевич и его кафедра. Поэтому не могу пройти мимо двух вещей. У меня есть ещё старшая дочь, целый профессор, которая дома всё меня критикует за технологический детерминизм, солидаризуясь в каком-то смысле с Виктором Тимофеевичем. У меня есть работа по этому поводу, наш коллоквиум, один из коллоквиумов опубликованных, где я критикую Веблена, потому что я считаю, что мы должны подходить вот в этой части конкретно методически с марксистской точки зрения. Почему? Потому что здесь материальное (чётко материальное) производство определяет бытие, что называется, основу нашего сознания.

Мы должны думать о том, что не просто технологии меняют жизнь, о том, что они меняют, не стоит спорить. Но имеется и обратный процесс, имеется влияние и общественных вещей тоже на технологический прогресс. Потому что потребности людей возникают не только потому, что их предлагает технический прогресс, но потому, что они чаще всего возникают вне этого, но технический процесс позволяет разрешать эти потребности или убирать эти самые угрозы. Так что вот в этой части я бы хотел сделать такой комментарий.

Что ещё, тезисы Виктора Тимофеевича о том, у Вас последний тезис был по переходу от экономики к ноономике. Вы знаете, я в свое время на одном из семинаров сказал, что, если мы говорим о коммунизме, то помните, был такой советский анекдот: да, мы придём к коммунизму, но по пути кормить никто не обещал. Действительно, проблема перехода очень серьезна и важна. Мы не включили специально эти вещи ни в фильм этот, который показывали, ни в мой доклад, это не сегодняшняя тема, и здесь действительно огромное поле для развертывания исследований. Но, замечу, и Маркс не прописывал детали перехода к коммунизму.

Если использовать такой подход, то тогда целесообразно выделить две области нововведений. Одна из них – это внедрение искусственного интеллекта как основы качественного развертывания цифровых технологий в сфере производства. Можно утверждать, что искусственный интеллект, создавая «умные машины» и автоматизируя производство, освобождает человека от непосредственной производственной деятельности, что радикально преобразует саму эту сферу и тем самым завершает процесс замещения человека в производственной деятельности машинами, который начался с первой промышленной революцией. Одновременно на этой основе обеспечивается сверхвысокая эффективность самого производства.

Другая область нововведений – это использование технологии редактирования генома человека, которое способно изменить природу человека. В позитивном отношении такая технология позволяет избавить человека от болезней и действительно дать возможность раскрыть во всей полноте его творческий и созидательный потенциал. Вместе с тем нельзя недооценивать и неизбежные риски и угрозы, которые появляются в процессе реализации технологии редактирования генома, а они связаны с неограниченной возможностью манипулировать и управлять человеком, преследуя корыстные интересы.

Попутно отмечу и такое обстоятельство. Какова судьба знаниеинтенсивного производства в условиях развертывания технологий искусственного интеллекта, когда сами умные роботы будут себя воспроизводить? Где здесь место знаниям? Как оно будет реализовываться в реальной хозяйственной жизни? Сегодня такого рода вопросы не имеют однозначного ответа, но задуматься об этом необходимо.

Наконец, последняя проблема, на которой хочу остановиться, в этом случае возвращаясь непосредственно к концепции ноономики С.Д. Бодрунова. Речь идет о судьбе рыночного механизма в формирующейся конструкции хозяйственного устройства в будущем. Автором ноономика понимается как неэкономический способ хозяйственной деятельности. С точки зрения конечного рубежа с этим можно согласиться. Но как к нему перейти и какова здесь роль рыночных отношений? Здесь возникает много вопросов, и ответы на них найти не просто. В заключении хочу пожелать

– Андрею Ивановичу Колганову, доктору экономических наук, профессору, заведующему лабораторией сравнительного анализа экономических систем экономического факультета МГУ имени Ломоносова. Подготовиться Сергею Александровичу Толкачеву.

Колганов А.И.: Добрый день, уважаемые коллеги. Я назвал своё сообщение “Концепция ноономики как методологическая платформа прогностических социально-экономических исследований”.

Что позволяет мне рассматривать концепцию ноономики именно как научную методологическую платформу для дальнейших исследований? Тот факт, что она опирается на обобщение целого ряда реальных объективно сложившихся тенденций технологического и социально-экономического развития. Та технологическая тенденция, из которой исходит концепция ноономики, как уже здесь подчеркивалось, это повышение знаниеинтенсивности современного производства, повышение знаниеемкости производимого продукта, прогрессирующее вытеснение человека из материального производства и повышение роли научных знаний и информации в технологическом развитии, что ведёт, соответственно, к углублению интеграции производства, науки и образования. Кроме того, в прагматическом плане очень важно значение исследования в рамках концепции ноономики таких тенденций, как возрастание в ходе технологического развития ресурсной нагрузки на природную среду, и расширение возможностей прямого вмешательства в природу человека.

Рост технологического могущества человека одновременно оборачивается и возрастанием рисков, которые угрожают и существованию человека, и утратой им своей собственной природы. Вот эти тенденции, которые отмечаются в работах Сергея Дмитриевича, они находят полное подтверждение в тех реальных процессах развития пятого и шестого технологического укладов, которые мы наблюдаем сейчас. Все эти новые технологии совершенно очевидно обладают более высокой знаниеемкостью, чем технологии предшествующего этапа. Помимо этого, эти технологии характеризуются синергией различных отраслей научного знания в соответствии с происходящими процессами конвергенции технологий и формированием гибридных технологий. Именно этот рост знаниеемкости и эффекта синергии и конвергенции технологий

как раз и обеспечивает одновременно понижение материалоемкости и энергоемкости выпуска продуктов и услуг. Мы видим на примере, скажем, аддитивных технологий, которые развиваются на основе использования технологий 3D-принтирования, что эти знаниеемкие технологии позволяют значительно снизить материалоемкость, создать высокую степень безотходности производства. Подобным же ростом знаниеемкости характеризуются такие новейшие тенденции, как создание так называемых умных фабрик, использование промышленного интернета вещей, применение технологий искусственного интеллекта, применение способов управления технологическими процессами на основе автоматической обработки больших массивов информации, поступающих от встроенных датчиков. Кроме того, все эти тенденции обеспечивают вытеснение человека из непосредственного производства при возрастании роли творческой деятельности человека и функции целеполагания.

То же самое, что я говорил здесь про аддитивные технологии, можно сказать и про новейшие биотехнологии, про нанотехнологии, квантовые технологии, и так далее. Все современные технологии базируются на росте знаниеемкости производства и обеспечивают снижение, соответственно, материальной ресурсоемкости и вытеснение человека из процессов непосредственного производства.

Социально-экономические тенденции современной эпохи, развивающиеся на основе этого технологического прогресса, носят весьма противоречивый характер. С одной стороны, мы видим растущие технологические возможности удовлетворения потребностей человека, но, с другой стороны, мы видим и разбухание фальшивых, иллюзорных, навязанных потребностей – при том, что для части человечества даже их насущные витальные потребности толком не удовлетворяются, а социальная поляризация растет. С одной стороны, происходит развитие методов сознательного регулирования социально-экономических процессов, но с другой стороны стихия рыночных процессов по-прежнему способна подрывать, расшатывать эти усилия, ввергая хозяйственную систему человечества в очередной кризис.

Развиваются процессы глобализации мирового хозяйства, что отражает объективную потребность в интернационализации производства, в росте взаимосвязанности и взаимозависимости мира.

а все это не может не влиять на характер экономических отношений. Потому-то они и выступают как производительные силы людей, что указывает на активную и созидательную роль человеческого фактора в производственно-хозяйственной деятельности. Безусловно, технологический детерминизм также не может не учитывать решающее значение образовательной и квалификационной подготовки работников, необходимой для внедрения новых технологий. Однако роль этого фактора чаще всего представлена на втором плане и подразумевается в качестве закономерной реакции на происходящие технико-технологические перемены в производстве.

В дополнении к корректировке оценки роли принципа технологического детерминизма выскажем предположение и о полезности уточнения места и значения самого научно-технического прогресса. Сегодня его, также как и общественный прогресс в целом, нам следует оценивать не только по тем ожидаемым позитивным результатам и переменам, который он несет, но и обязательно учитывать возникающие неизбежные издержки и потери, особенно в сферах экологии и социального развития. Ведь в руках человека оказались современные технологии, которые превратились в опасное оружие, способное все разрушить, и это относится уже не только непосредственно к военным технологиям. Вот почему технологический детерминизм не должен превратиться в технологический фетишизм, когда развитие технологий становится самоцелью, а общество – машиноцентричным.

Вторая проблема касается обнаружения ключевых или базовых технологий, которые наиболее точно отражают суть новой технологической волны и обладают наибольшим потенциалом для перемен в будущем. Об этом высказываются разные мнения. Конечно, можно предположить, что для современного этапа развития НТП более существенным является согласованное взаимодействие и взаимопроникновение разработанных новаций в социально-хозяйственную жизнь. Тем не менее, даже при таком подходе все же сохраняется целесообразность выявления ключевых технологий, особое внимание обращая на их способность к качественному преобразованию как в сфере производства, так и применительно к трудовой и творческой деятельности человека.

им новое направление и дополнительный импульс. Поэтому в прогностической деятельности всегда надо иметь в виду, что мы не все можем знать о будущем, которое остается до конца непознанным. Возвращаясь к аналогии будущего с айсбергом, полезно и поучительно вспомнить историю корабля под названием «Титаник», который трагически завершил свой первый рейс из-за того, что экипаж вовремя не заметил надвигающуюся опасность столкновения с ним. Вот почему так важна правильная локация и своевременное обнаружение угроз. Все это можно перенести и на практику прогнозирования. Поэтому вопрос о том, что из уже возникшего настоящего станет будущим, сохраняет свою неопределенность и только со временем можно будет получить на него окончательный ответ.

Теперь по поводу самой конструкции ноономики и ее некоторых содержательных аспектов. Выделю несколько важных, на мой взгляд, проблем. Во-первых, по поводу самого принципа технологического детерминизма. Дело в том, что, изучая многочисленные прогнозы и предсказания о будущих переменах, которые содержатся в аналитических документах и широко представлены в интернете, нетрудно убедиться в том, что они в основном опираются на описание возникающих технологий и новых технических средств. Иначе говоря, такого рода прогнозы построены на реализации принцип технологического детерминизма. То, что их надо изучать и использовать в прогностической деятельности, это правильно. Но нельзя только на их основе строить прогнозы о будущем.

В этой связи стоит вспомнить о К. Марксе, который в этих целях основывался на выделении ключевой роли производительных сил в формировании и перестроении как системы экономических отношений, так и самой хозяйственной деятельности. Безусловно, принцип технологического детерминизма имеет много общего со сформулированным Марксом общим законом соответствия производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил. Вместе с тем они полностью не совпадают. Производительные силы – более широкое и содержательное понятие уже в силу того обстоятельства, что их главным компонентом выступают сами работники, наделенные соответствующим образованием, квалификацией, поведенческими характеристиками,

Но, опять же, с другой стороны, мы видим, что глобализация используется как инструмент борьбы некоторых влиятельных государств и сверхкрупных капиталистических группировок за мировую гегемонию. Финансиализация мирового хозяйства, с одной стороны, обеспечивает сверхбыстрое перемещение капитала в максимальной ликвидной форме, тем самым расширяя возможности управления процессами структурной и технологической перестройки производства. Но, с другой стороны, она привела к разбуханию финансовой сферы, оттягивающей из сферы производства реальные ресурсы и способной дестабилизировать реальный сектор экономики.

Вот эти противоречивые процессы нашли отражение в тезисе о том, что сейчас мы вошли в ситуацию новой нормальности, и сам по себе этот тезис на самом-то деле выступает как замаскированная стыдливая констатация происходящего расшатывания основ мирового хозяйства. Возрастает волатильность рынков, ослабевают традиционные рычаги государственного регулирования, снижается уровень инвестирования в производство, падают темпы экономического развития и фактически заморожен рост благосостояния населения. Таким образом, с развитием технологий, с эволюцией современной экономической институциональной системы мы видим как нарастание новых возможностей развития, так и нарастание угроз. Это заставляет нас всерьез относиться к выводу о приближении кризиса современной цивилизации, о приближении точки бифуркации, что настоятельно требует от нас поиска форм разрешения обостряющихся противоречий развития.

Именно на основе констатации этих фактов Сергеем Дмитриевичем делается вывод о том, что существует необходимость и объективная тенденция перехода к следующему поколению нового индустриального общества, которая бы обеспечило нам потенциал выхода из этих противоречий. И новое индустриальное общество второго поколения реконструируется в концепции профессора Бодрюнова как раз как вывод из анализа и тех возможностей, которые сейчас существуют в развитии, и тех противоречий, которые создаются современным этапом развития человеческой цивилизации. Хотя переход к новому индустриальному обществу второго поколения открывает возможности существенно смягчить указанные противоречия, однако их полное преодоление требует

качественного преобразования всего устройства современного общества и, естественно, способов его хозяйственной деятельности – как в силу того, что мы видим новые возможности, создаваемые технологическим развитием, так и в силу того, что эти возможности в рамках современного экономического устройства неизбежно влекут за собой разрушительные тенденции.

Фактически требуется выход не просто за пределы капиталистической общественной системы, а выход за пределы экономического общества вообще. Надо сказать, что прогноз наступления посткапиталистического и постэкономического общества достаточно давно был сделан в марксистской традиции, но надо сказать, что концепция будущего общества у профессора Бодрунова отличается от этого марксистского прогноза по целому ряду направлений. Во-первых, в концепции ноономики даётся развернутая характеристика той технологической основы, которая делает возможным переход к постэкономическому обществу, выход за пределы экономической необходимости и экономической рациональности. Правда, должен сказать, что некоторые современные марксистские разработки в отношении оценки технологических изменений сближаются с данной позицией. Во-вторых, на основе анализа этой технологической основы Сергей Дмитриевич Бодрунов делает вывод, который в классическом марксизме прямо не формулировался, о том, что вместе с выходом человека из непосредственного участия в материальном производстве отмирают также и отношения людей по поводу участия в этом производстве, то есть производственные отношения. Не будет в ноономике на ноообщественном этапе развития производственных отношений людей.

В-третьих, Сергей Дмитриевич Бодрунов реконструирует тот способ, которым будет регулироваться хозяйственная деятельность после выхода человека из непосредственного производства. В марксизме такой концепции до сих пор нет. А с его точки зрения, это будет система направляющих и целеполагающих воздействий человека по отношению к относительно автономной безлюдной техносфере, функционирующей на основе самоорганизации деятельности технетических существ.

Наконец, в-четвёртых, в концепции ноономики развивается тезис о новой критериальной основе хозяйственной деятельности

сказать, «стучится в дверь». О нем уже можно рассуждать и анализировать, имея в виду те масштабные перемены, которые происходят и видны «невооруженным глазом». В этом отношении книга Сергея Дмитриевича «Ноономика» и подготовленное на ее основе учебное пособие «Общая теории ноономики» отличаются актуальностью, вызывая интерес к самой выбранной теме. Предлагаемую автором концепцию по ее жанру можно отнести к сценарному прогнозу. Его отличие от футурологии и научной фантастики – в том, что он опирается на тщательный научный анализ существующих тенденций с нацеленностью на прогнозирование ожидаемых результатов и возможных последствий. Такой подход оправдан и перспективен. Попутно отмечу, что в таком прогнозном сценарии интересны как его содержательные аспекты, так и понятийная характеристика наступающего нового периода в развитии экономики и общества.

Ноономика понимается как переход к «знаниенасыщенному индустриальному производству», которое в более широкой трактовке предполагает формирование гармонично устроенного будущего общества за счет «скрещивания» экономических и ноосферных императивов. Собственно в такой конструкции прослеживается преемственная связь с учением знаменитого отечественного исследователя В.И. Вернадского о ноосфере как особом этапе в эволюции биосферы, характеризуемым доминирующей ролью разума человека. Это очень хорошо и правильно, тем более что смысл, который здесь заложен, а именно разумность, гармония общества и природы, гармония общества и человека – это всё тот идеал, к которому мы должны стремиться.

Что касается вообще самого предвидения и прогнозирования будущего, то само это будущее похоже на айсберг. Как известно, у него есть видимая область, которая по своему размеру не столь значительна, и имеется невидимая область, а это его главная и самая значительная часть. Так вот, наши представления о будущем складываются из «видимой области», т.е. тех явлений и тенденций, которые уже можно наблюдать и на их основе строить прогнозы. Но и для самой прогностики не менее существенную роль играет их «невидимая область», которая обусловлена фактором случайности и еще не выявленными факторами. Действие таких факторов в состоянии полностью развернуть существующие тенденции, придав

Бузгалин А.В.: Спасибо большое, Сергей Александрович. У нас даже при мягком регламенте всё равно докладчиков приходится останавливать. Пару слов комментария от Сергея Дмитриевича.

Бодрунов С.Д.: Уважаемые коллеги, я, конечно, благодарен уважаемым коллегам, я, тем не менее, несмотря на регламент, влезаю с комментарием, чтобы не забыть (знаете, уже тоже становлюсь настоящим занятым профессором, поэтому всё время к концу семинара забываю, что я хочу сказать). Я обратил внимание на момент, когда в начале презентации был слайд о Т. Пикетти, который говорил о том, что нужно империалистов (такой злобный), миллиардеров обложить налогом в 90%. Я во многом согласен с Пикетти, но здесь я не согласен. Знаете, почему? Да, обложить бы надо, хотя, может, и не 90, но не всех, а сделать вообще повышенное налогообложение для некоторых типов капитала, некоторых типов операций, некоторых типов доходов, такие налоги специальные вводить, как, например, на нефтяников, природная рента. Пусть будет рента капиталистическая, условно говоря. Например, спекулятивные операции биржевые, операции, не приносящие материального дохода, и так далее – облагать более высокой ставкой вплоть до того, что, если сверх чего-то – отсекают, просто отсекают, всё остальное в бюджет, чтобы не было стимула именно это направление развивать. В то же время доходы, полученные (неважно, какие доходы: маленькие, большие) от производственной деятельности в секторе новых технологий, секторов современных технологий, их облагать минимально либо вообще не облагать до какого-то уровня.

В этом плане я думаю, что это была очень важная государственная позиция, государственная политика, которая могла бы дать реальные практические шаги в направлении того, о чём мы говорим.

Бузгалин А.В.: Спасибо, Сергей Дмитриевич. Мы продолжаем наш разговор. Виктор Тимофеевич Рязанов, заведующий кафедрой экономической теории Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, профессор.

Рязанов В.Т.: Прежде всего следует подчеркнуть, что вопрос о будущем, которое нас ожидает, не может не привлекать внимание не только ученых, но и простых граждан. Ведь это будущее, можно

в условиях ноономики. Эта критериальная основа будет определять цели производства, формирование и удовлетворение потребностей людей, и она будет вырастать из изменений природы деятельности самого человека, которое во все большей степени будет сосредоточено в сфере творчества, в процессе познания и в процессе технологического применения нового знания. Такая творческая природа основной деятельности человека обусловит и изменение структуры его потребностей, которые будут ориентированы не на добычу и поглощение возможно большего объема средств существования, а на обеспечение средств развития самого человека, на возвышение человеческой культуры во всех ее проявлениях.

Соответственно, именно эти культурные императивы и станут основным внутренним критерием, определяющим цели производства, формирование и удовлетворение потребностей. Насыщение потребностей при этом будет оцениваться не так, как сейчас, не по объемным показателям – насколько большой объём всего мы смогли потребить (с пользой, без пользы – неважно). Насыщение потребностей будет оцениваться по степени удовлетворения конкретных рационально определяемых человеком потребностей, направленных на его собственное развитие. Вот если мы можем эти конкретные потребности удовлетворить, значит мы работаем успешно. Вопрос не в том, сколько мы потребили, а в том – удовлетворили мы свою потребность или нет.

Такой прогностический взгляд на перспективы развития человеческого общества даёт нам методологические и теоретические предпосылки для постановки очень широкого спектра исследовательских задач. В число таких задач входит, скажем, изучение промежуточных этапов движения к новому индустриальному обществу второго поколения и к ноономике, и, соответственно, изучение закономерностей формирования, эволюции и смены таких этапов. Кроме того, актуальной становится оценка и ближайших перспектив социально-экономического развития с точки зрения их соответствия или несоответствия магистральному стратегическому направлению развития на новую ступень существования общества, на новую ступень человеческой цивилизации. Это затрагивает и определенное понимание направления развития технического прогресса, и необходимых для

этого изменений социально-экономических институтов, экономической политики и в целом общественного устройства.

С этой точки зрения реиндустриализация России на высокотехнологической основе, о которой профессор С. Бодрунов также пишет много лет, предстаёт не только как необходимость настоящего, но и как императив, вытекающий из понимания будущего.

Бузгалин А.В.: Эти часы намекают, что 10 минут закончились, так что можно ещё пару-тройку минут.

Колганов А.И.: Хорошо. Реиндустриализация в этом смысле нам необходима не только для ускорения темпов развития экономики, не только для усиления ее конкурентных позиций в мировом хозяйстве и для подъема благосостояния населения, она необходима с точки зрения создания необходимых предпосылок для движения на следующий этап общественного развития. Если мы не собираемся вечно находиться в положении догоняющих более развитые державы, нам надо поставить своё развитие таким образом, чтобы при данных объективных ограничениях выйти на самые передовые рубежи, определяемые как раз стратегическими перспективами эволюции общества. Это требует и выстроенной определённым образом политики технологической модернизации, которая должна быть нацелена на решение именно тех задач, которые соответствуют важнейшим тенденциям развития, на которых основана возможность прогрессивных перемен не только в настоящем, но и в будущем. Необходимо соответствующее стратегическое планирование и разработанная на его основе активная промышленная политика, которая обеспечит концентрацию усилий на решении задач технологического прорыва, нацеленных как раз на реализацию перспективных долгосрочных тенденций: на увеличение удельного веса знаний в производстве и его продукте, на сокращение удельного веса материальных ресурсов в затратах, и на высвобождение человека из непосредственного производственного процесса.

Решение этих задач, безусловно, потребует подкрепления его со стороны ускоренного развития творческого потенциала самого человека. И последнее предполагает значительное повышение удельного веса инвестиций в образование, в научные исследования и опытно-конструкторские разработки, в здравоохранение, – не только

социализма, которые, собственно говоря, обещают новый путь в будущее, показывают всеобъемлюще и обосновано, насколько сложившаяся тогда модель промышленного и финансового капитализма себя исчерпала, и что должно прийти ей на смену. Затем развитие общества развитых стран мира с учётом свершившейся социалистической революции, с учётом преобразований, которые произошли у нас, и на которые вынуждены были отреагировать развитые страны Запада, наиболее удачно отразил, наверное, своим знаменитым термином – новое индустриальное общество – Джон Кеннет Гэлбрейт. Мы его сейчас называем НИО 1.0, он отразил тот консенсусный переход от чистого капитализма, которого, понятно, нет, через государственно-монополистический капитализм в некую теорию конвергенции.

Бузгалин А.В.: Сергей Александрович, у нас часы каждые 15 минут бьют, 15 минут заканчиваются, извините.

Толкачев С.А.: Да, я сейчас заканчиваю. Сейчас до Сергея Дмитриевича дойду только.

Бузгалин А.В.: Надо было начать с этого...

Толкачев С.А.: Как мы знаем, технологические закономерности привели к развитию информационно-коммуникационных технологий, начиная с 70-х годов сложилась очередная модель финансового империализма и соответствующая удачная теория, которая объясняла подобные закономерности и объясняла смысл, и пролонгировала капитализм как модель, это постиндустриальное общество, о котором сейчас тоже говорили. Однако технологические изменения не стоят на месте. Новый комплекс базовых производственных технологий сейчас взрывается в нашу жизнь, теории постиндустриального общества, соответственно, себя изживают, отбрасываются. Им на смену логически приходит теория нового индустриального общества 2.0, НИО.2, автор которой, профессор С. Бодрунов, только что в очередной раз нам изложил ее главные тезисы.

Бузгалин А.В.: Пауза многозначительная в прямом смысле слова. Мы тут в кулуарах уже начали обсуждать триаду из имён, сложившуюся здесь, которую Вы приводите на слайде.

Толкачев С.А.: Понятно, что имен гораздо больше, но я самые ценные постарался привести здесь.

включая последний период, когда кризис информационно-коммуникационных технологий и соответствующей модели финансового капитализма, как мы сейчас говорим, финансиализма, привел к тому, что в настоящий момент возлагается надежда на новый комплекс производственных технологий, о которых все говорят, и Сергей Дмитриевич еще раз подчеркнул сегодня. То есть – нарождающийся новый технологический уклад является в своей основе комплексом именно производственных технологий, которые должны преобразовать соответствующий производственный базис в каждой отдельной стране.

Соответствующий режим внешнеэкономической политики, режим мирохозяйственного уклада, наиболее соответствующий ему – это протекционизм. Трамп ломает сложившуюся глобальную систему для того, чтобы осуществить реиндустриализацию США, построить на территории США свой замкнутый целостный воспроизводственный контур, освоить первыми в мире комплекс базовых технологий нового поколения, базовых производственных технологий.

И вот теперь – вот эта, пожалуй, самая главная таблица, где я постарался увязать цикличность распространения технологических укладов и теорию нового индустриального общества второго поколения.

Итак, каждый законченный цикл мирохозяйственного уклада, который вбирает в себя одну-две промышленные революции и, как правило, три технологических уклада, соответствует чередованию режима мирохозяйственных связей по этой схеме: протекционизм-фритредерство-империализм; и обрамляется соответствующей господствующей теорией, которая на долгое время, на длительное время (так, пожалуй, лет на сто) занимает положение в умах общества. Маркс – общепризнанный теоретик индустриального общества того периода, когда он был свидетелем перехода от производственных к транспортным технологиям и укрепилось английское господство, но он не дождался периода, когда начали развиваться технологии и средства коммуникации. Ленин потом продолжил описание того режима мирохозяйственных связей, который получил название империализм.

В это же время как отражение кризиса сложившегося, завершающегося мирохозяйственного уклада формируются теории

в медицину как таковую, но в развитие всех составляющих здорового образа жизни, включая сюда и состояние окружающей человека природной среды. Такое увеличение на самом деле требуется не на проценты, если мы оцениваем задачу именно со стратегических позиций, а в разы по сравнению с достигнутым уровнем. Можно привести достаточно банальное сравнение: мы прекрасно помним, что в свое время, когда Советский Союз первый вышел в космос, то Соединённые Штаты, пытаясь понять, чему Советский Союз обязан тем, что он сумел опередить ведущую мировую державу в освоении космического пространства, сделали вывод, что одним из основных факторов было состояние системы образования в СССР. Я хочу сказать, что, если сейчас мы тратим на развитие образования менее 4% валового внутреннего продукта, то Советский Союз в пятидесятые годы в период создания условий для освоения космического пространства тратил 10-11% валового внутреннего продукта.

Бузгалин А.В.: Андрей Иванович, ты мне друг, но время идёт для всех одинаково. Пожалуйста, вывод.

Колганов А.И.: Вывод: невозможно решать задачу опережающего развития страны путем постоянного отставания с вложениями и в разработку и применение новейших технологий, и в развитие творческого потенциала человека.

Бузгалин А.В.: Вывод столь же очевидный, сколь хорошо известный. Да, спасибо. Я бы попросил обратить внимание и последующих выступающих, и всех, кто здесь присутствует, и тех, кто будет смотреть видеоматериалы, читать тексты, на то акцентированное различие традиционного марксистского подхода и подхода профессора Бодрюнова к видению будущего, которое прозвучало в выступлении Андрея Ивановича. Я думаю, это важный момент, потому что здесь многие всё-таки выросли из старой научно-философской школы, но, может быть, и молодой, но мы сами подумаем все вместе. Сергей Александрович Толкачев, доктор экономических наук, профессор, первый заместитель руководителя департамента экономической теории Финансового университета при Правительстве Российской Федерации и так далее.

Толкачев С.А.: Добрый день, дорогие друзья. Извините, я с презентацией, хотя студентам уже без презентации лекции читаю, понял весь вред презентации для лекций, но здесь будут схемы,

которые словами долго объяснять. Пожалуйста, дальше, следующий слайд. В качестве вступления я не открою ничего нового, если скажу, что в настоящий момент в академической среде очень серьёзно обсуждаются вопросы не просто кризиса, а скажем мягко, глубокого кризиса капитализма или по крайней мере той модели, которую сейчас он олицетворяет. В этой связи мне хотелось бы проанализировать закономерности данного кризиса и показать место теории нового индустриального общества 2.0 в историческом разрезе, в русле исследования циклических закономерностей чередования технологических и мирохозяйственных укладов.

В настоящий момент я работаю в составе группы под руководством академика Глазьева, которая исследует данный вопрос в рамках одного НИР, и вот здесь свежие результаты этого исследования представляю на ваш суд. Прежде всего хотелось бы сказать, что мы обнаружили в ходе исследования исторического материала своеобразное циклическое чередование господствующего типа мирохозяйственных связей или типа регулирования внешнеэкономических отношений в мире по схеме протекционизм – фритредерство – империализм. Вот слайд перед вами, я не буду его долго комментировать. Мы в настоящий момент (совершенно не секрет, особенно после избрания Трампа, уже всем понятно) вступили в очередной этап протекционизма. Этот протекционизм надолго и, если отталкиваться от прошедшей истории, проводить к ней какие-то аналогии, то, возможно, в сороковые годы наступившего века он сменится на очередной этап фритредерства.

Так же, как протекционизм после окончания Второй мировой войны сменился на режим фритредерства, который сменился империализмом в семидесятые годы, когда, собственно, началась (и это совпало с возникновением идей постиндустриального общества), миграция капитала. То же самое было в 19 веке, когда Великобритания, укрепившись в своей промышленной и торговой мощи, ввела режим империализма как норму в систему международных экономических отношений. Пожалуйста, дальше. Давайте здесь я сэкономлю время, не будем эти факты сейчас рассматривать, это – отдельные факты, подтверждающие эту таблицу. Пожалуйста, дальше. Вот здесь немножко остановимся.

Вот видите, бурный этап британского экспорта капитала начинается как раз с 1870 годов, во время кризиса мировой

экономики он идёт на спад, но потом снова возобновляется. Пожалуйста, дальше. Здесь видим в 1950-73 годы XX века режим золотого века свободной торговли, когда международная торговля по темпам роста обгоняла соседствующие периоды. Пожалуйста, дальше. Ну и, наконец, вот последний этап свидетельства перехода к империализму, когда вывоз капитала в результате либерализации, в результате вашингтонского консенсуса и всех прочих преобразований начинается с восьмидесятых годов. Мы поставили в качестве научной гипотезы положение о том, что чередование данных периодов является результатом чередования в характере внедряемых технологий, базовых технологий. Они у разных авторов имеют разные названия, у Сергея Юрьевича Глазьева это ядро технологического уклада. Давайте посмотрим следующий слайд. Вот я здесь брал сами выдержки из работы Глазьева, всем широко известные.

Первая Промышленная революция в конце XVIII – начале XIX века началась с парового двигателя, и это были, как мы называем условно, производственные технологии, которые преобразовывают сферу производства товаров. Затем пар пришёл в железные дороги и пароходостроение, и во второй трети XIX века начинается строительство того, что мы назвали транспортным технологическим укладом или транспортными базовыми технологиями. Затем в последней трети XIX – начале XX века великая информационно-коммуникационная революция этого времени – телеграф, телефон и радио, которая сопровождается переходом к империализму. В данном случае чередование господствующих технологических укладов соответствует чередованию этапов вызревания господства лидера мирохозяйственного уклада. То есть, Британии сначала нужно было достичь преимущества в производстве, затем она укрепила это преимущество за счет развития транспортных технологий того времени, ну и наконец пришла к господству за счёт информационно-коммуникационных технологий для того, чтобы легче управлять разбросанными по миру предприятиями.

Пожалуйста, дальше следующий слайд. То же самое повторяется в XX веке, здесь я не буду подробнее комментировать, за исключением того, что новый лидер, США, перехватил эстафету у Великобритании, и практически всё то же самое повторилось,